

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Казалось бы, что у человека есть всё для абсолютного счастья: богатство, молодость, здоровье, красота. Что ещё нужно? Но при этом человек может чувствовать себя несчастным, как героиня рассказа Ивана Бунина “Чистый понедельник”. Ей мало всего этого. Всё, что она имеет, ей кажется жалким и несостоятельным. Она напряжённо ищет что-то героическое, самоотверженное и находит свой идеал в служении Богу. В “чистый понедельник” она расчиталась с миром, с любовью и любимым и ушла на великий постриг в монастырь.

Но, может быть, это непростительный грех, и поиски этой девушки с сильным характером просто очередная блажь?

Вспомним пушкинскую “Деревню”. Это исповедь человека, у которого тоже, казалось бы, всё есть для счастья, но который, тем не менее, не может быть счастливым, потому что “мысль ужасная здесь душу омрачает” — мысль о страданиях не личных — других людей.

Вот и Левин у Толстого, казалось бы, счастливый семьянин, здоровый человек, но был так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нём, и боялся ходить с ружьём, чтобы не застрелиться. Он был в мучительном разладе с самим собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него. При виде любимого, безнадежно больного брата одна была мысль — о смерти. Он не видел смысла в жизни, и для него впереди ничего не было, кроме страдания, смерти и вечного забвения.

Он понимал, что так нельзя жить, что надо либо объяснить свою жизнь, чтобы она не представлялась злой насмешкой какого-то дьявола, или застрелиться. И был счастлив только в те минуты, когда не думал о значении своей жизни, когда выполнял свои обязанности, которые ему необходимо было исполнять, и чувствовал уверенность, когда видел, что дело его необходимо, и это его спасало. А когда начинал размышлять, то чувствовал себя безумно несчастным: “Без знания того, что я такое и зачем я здесь, — нельзя жить”.

Когда он на покосе разговорился с подавальщиком Фёдором о том, кто может взять землю внаём, и тот сказал ему, что “если Митюха возьмёт, то это плохо, потому что он живёт, чтобы брюхо набивать, а вот Фоканыч — для души живёт, Бога помнит, живёт по правде”, — его поразили эти слова. “Жить для Бога, а не для своих нужд. Надо любить ближнего и не душить его”. И когда он пришёл к этим мыслям, он стал радостно слышать полноту своего сердца”. Он нашёл разрешение всего, и на этом кончились его страдания.

Но вот самого Толстого, особенно в конце жизни, разрывало противоречие, которое, казалось, было неразрешимым — провозглашал одни принципы, а жил по другим законам. Обострённое чувство греха превращало жизнь

Толстого в сплошную муку. Осудив дворянство за несправедливый образ жизни, он продолжал жить в помещичьей усадьбе, пользовался благами, которые предоставляло ему положение помещика.

Понятна нервная обстановка в доме Толстых, напряжённые отношения с женой. Софья Андреевна, как и положено матери, на которой держится род, отстаивает интересы детей, внуков. Она не раз покушалась на самоубийство. В конце концов Толстой ушёл из дома. Казалось бы, какая жестокость по отношению к семье и к жене, с которой прожил полвека. Но у него не было другой возможности утвердить свои убеждения. Своей жизнью он не хотел отталкивать людей от той истины, которая ему открылась и была дороже жизни, в служении которой он видел смысл бытия.

А в чём смысл жизни для современного человека?

Сейчас много говорят о смыслах. Слово это стало широко употребляемым и вобрало в себя многие оттенки. Но, может быть, заговорили о смыслах потому, что жизнь представляется совершенно бессмысленной? К сожалению, не видят смысла даже в служении Отечеству, считая, что эти слова звучат не искренне, пафосно. Но мы всё-таки будем говорить о смысле жизни в традиционном понимании. Так в чём же он?

Как нас хотят убедить – в потреблении, в удовольствиях, в личных достижениях, которые обещают красивую, благополучную жизнь. И кино, и ТВ, и все средства пропаганды направлены на то, чтобы убедить человека: зачем делать добро, переживать, если другому плохо, неуютно, бедно и голодно? Это по крайней мере наивно. И любое действие, если связано с протестом против неравенства людей, осуждается и властью, и обществом.

Люди, дескать, никогда не будут равны в богатстве, а естественный протест против тех, кто купается в роскоши, и борьба за права тех, кто живёт за чертой бедности (а их в нашей стране более сорока процентов, если верить статистике), – смешна и утопична. Уже в детское сознание впрыскивается яд равнодушия к бедам и несчастьям людей.

А ещё Ф. М. Достоевский в “Легенде о Великом Инквизиторе” утверждал, что “... тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твёрдого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом всё были хлебы”.

Между тем, многие наши современники оказались в этой жизни без руля и ветрил, они не знают, зачем и для чего жить...

Я расскажу историю одной семьи, наблюдать которую мне пришлось непосредственно. Потому что я оказалась в самом центре событий и должна была как-то реагировать на происходящее...

...Его воспитывал дедушка, которого все уважительно звали Трофимыч. Отец мальчика рано умер от цирроза печени, а мать, актриса одного из московских театров, далеко не преуспевающего, уже лет десять как пыталась устроить свою личную жизнь. Дедушка взял внука жить к себе, чтобы не рос беспризорным и не видел беспутной, по его представлениям, жизни матери. В прошлом дед был машинистом, водил поезд от Москвы до самых до окраин, по Сибирской железной дороге.

Он много рассказывал внуку о своей молодости, о нелёгкой жизни, которая выпала на его долю, о послевоенной голодной юности и о своём отце, который пережил ГУЛАГ и вернулся с Колымы инвалидом. Но страшная жизнь в лагере не сломила его, не сделала антисоветчиком, он и по возвращении из ссылки оставался романтиком, верил в идеалы добра и справедливости. Мальчик страшно удивлялся, как это он мог говорить о жизни в советское время как о счастливой. Мальчик был в недоумении – ведь в школе и по ТВ он видел и слышал совсем другое – что не было семьи, где бы кого-нибудь не посадили или не расстреляли, что жили в вечном страхе, что магазины были пустые и стране постоянно грозил голодомор.

Дедушка Трофимыч вспоминал, как однажды начался пожар в топке, и его помощник испугался, на полном ходу спрыгнул с поезда и погиб под колёсами, а ему пришлось тушить пожар и он получил ожоги первой степени. Он тогда еле выжил, но любил рассказывать о том, как его пригласили в Кремль, чтобы вручить орден за проявленное мужество, ведь он спас поезд от крушения. Он гордился своей работой и был счастлив, что работу его и труд оценили так высоко.

Жили они с бабушкой в большой квартире, где было много книг и всевозможных сувениров, которые деду дарили в дни юбилеев и праздников. И хотя ему не удалось получить высшее образование: рано женился, надо было кормить семью, и сын требовал внимания, он тем не менее всегда вспоминал прошлое как самый счастливый период жизни. Может быть, к этому пришивалась ностальгия по молодости.

Зато сегодняшнее время не жаловал, постоянно сравнивал жизнь нынешнюю и прошлую, и отношения между людьми, которые, по его мнению, были раньше теплее, сердечнее, добрее. Он не был коммунистом, не ворчал и не злобствовал, но всегда аргументированно, с фактами доказывал, что нынешнее положение страны, разруха села, абсолютная зависимость от импорта, рост цен, нищенское существование пенсионеров, пропасть между богатыми и бедными – это трагическая страница нашей жизни, испытание, которое послано народу непонятно за какие грехи, и стоило ли ради этого ломать то, что было.

Но вот когда пришёл к нему его бывший сослуживец и подробно рассказал о забастовке машинистов электропоездов на Московской железной дороге, дед задумался и потом заметил: “А не завышенные ли у вас требования по зарплате, ведь вы и так немало получаете по сравнению со всеми остальными. Получается, что ваши обиды на власть только из-за зарплаты, а ничего другое вас не возмущает?” Коллега обиделся и начал доказывать деду, что профсоюзы на Западе выдвигают как главное требование – повышение зарплаты, а не какие-то химерные лозунги, вроде того, что не должно быть богачей и нищих. “Ведь ты же хорошо знаешь, что труд машиниста особый, максимальные нагрузки на нервы, ответственность какая”.

Целый день у них на кухне гремело радио “Эхо Москвы”, и ко мне через стенку доносились позывные этого радио: “Деньги не пахнут, что почём”. Всё, что вещали на этой станции, вызывало возмущение деда. Казалось бы, он должен был вместе с ведущими обличать все порядки в нашем царстве-государстве, быть заодно с ними, но у деда они вызывали полное неприятие своей откровенно предательской позицией по отношению к стране, где они живут и процветают. И он мне не раз говорил об этом, когда я просила его приглушить радио, сделать потише. А у внука, наоборот, всё, что говорили на этой станции, вызывало огромный интерес. Деда возмущало, что никто никого не привлекает к ответственности, когда, к примеру, продают за копейки землю в зоне, где земля стоит миллионы долларов. Продают, понятно, не простым смертным, а тем, кто ближе к власти.

А женщину, которая прожила в Москве десять лет, беременную, вместе с детьми выселили на улицу зимой. Что это? Полное равнодушие и презрение к людям.

“Раньше квартиры бесплатно получали те, кто в них нуждался, вот и мы получили, мне от работы дали, а сегодня, – возмущался дед, – кто может купить квартиру? Тот, кто честно работает, не может, хоть лоб разбей об стенку. Стоит безумные деньги, которых не заработаешь за всю жизнь. Зато те, у кого есть деньги, могут купить хоть десять. Можно ли честным путём заработать такие бешеные деньги? Разве наши отцы и деды за это отдавали свои жизни?”

Особенно возмутила деда статья в “МК”, в которой говорилось, как один замминистра обороны отхватил сотки у его знакомой на Рублёвке. Тут уж дед возмущался громко, звонил своей приятельнице, советовал, как поступить, куда идти жаловаться. А через несколько дней в той же газете появилось сообщение о том, как Президент Путин вместе с этим генералом восхищались образцами новой формы для военных, которые они заказали у модного кутюрье Юдашкина. Так Путин косвенно реабилитировал замминистра.

... Вопреки утверждениям, что молодёжь совершенно не интересуется политикой, ребята, приходившие к внуку, спорили и говорили именно о проблемах современной жизни, о власти, о порядках в стране и предстоящих выборах.

Потом смотрели по интернету пародийный фильм “День выборов” и долго обсуждали, что должен делать неравнодушный человек в подобной ситуации.

“Зачем мы держим наши деньги в американских банках, они ведь работают на их экономику, да и доллар так резко упал, и мы уже, наверное, на этом потеряли огромные денежки”, – недоумевали ребята. “Наши деньги в

наших кошельках”, — заметила мать мальчика, которая присутствовала при этом разговоре и которая была более реалистична, вернее, цинична, в оценке нашей жизни.

Кстати, на день рождения сына она подарила ему сотовый телефон. В классе, наверное, только у него и не было этой дорогой игрушки. Но мальчик телефон продал, а на вырученные деньги купил деду японский тонометр, а бабушке прибор для измерения сахара в крови, а оставшиеся деньги отдал соседке, у которой было семь человек детей и которая еле-еле сводила концы с концами. Муж беспробудно пил, а жена надрывалась на четырёх работах: мыла лестницы в подъезде, в соседнем кафе делала ночную уборку, вывозила мусор и скребла тротуары по утрам.

Когда мать нашего героя — его звали Андрей, пусть простит меня читатель, что я вовремя его не представила, — узнала, что сын продал телефон, она открыла томик Достоевского, который теперь таскала с собой, благо их театр собирался ставить “Бесы” в новом сезоне, и прочитала сыну строчки из романа: “Милостыня развращает и подающего и берущего и сверх того не достигает цели, потому что только усиливает нищенство”.

А в классе с ним учился сын прокурора, которого возили в школу на “Мерседесе” стоимостью чуть ли не в сто пятьдесят тысяч долларов, так оценивали ребята это транспортное средство. А своё 16-летие юный отпрыск служителя Фемиды отпраздновал в загородном доме, напоминавшем по масштабам дворец князя Юсупова, Приём был на царском уровне — и это на зарплату чиновника не самого высокого ранга. И всё это ребята видели и могли оценить, ведь не слепые и не глупые, и не равнодушные циники, для которых приемлемо всё, что не запрещено.

Все мы знаем евангельское “Не хлебом единым жив человек”, но вот наша жизнь для многих граждан, вопреки библейскому — стала борьбой за кусок хлеба, чтобы только выжить.

Соседи мои тоже жили не богато, на пенсию бабки с дедом. Но у матери Андрея старались брать денег как можно меньше, так как зарабатывала она в своём театре немного, а на её образ жизни нужны были совсем другие заработки.

Бабушка Андрея была очень рачительной и экономной хозяйкой и все свои силы посвятила созданию “безотходного производства”. Экономила буквально на всём, постоянно считала, выискивала магазины, где было на копейку дешевле. Чистила, резала так, чтобы, не дай Бог, шкурки и очистки от картофеля не были бы толще миллиметра.

Одна юная журналистка, чтобы добыть эксклюзивный материал, провела эксперимент, поставив перед собой трудную задачу: можно ли прожить на продукты, положенные нашими экономистами в “потребительскую корзину”. Так вот, она рассказала, что, прожив две недели такой жизнью, она чуть с ума не сошла от постоянных подсчётов и экономии, не говоря уже о том, что лишила себя фруктов и необходимых витаминов. Так что целый день хотела только спать. Бабушка Андрея, правда, с ума не сошла, но вся её жизнь теперь подчинилась одной цели — сэкономить. Мать Андрея старалась подбросить в эту корзинку кое-что из продуктов, не предусмотренных государством, хотя бабушка, привыкшая экономить буквально на всём, готова уже была считать чаинки, как дед Каширин в известном произведении М. Горького.

В одном из своих сочинений Андрей написал, и мать прочитала эти строчки вслух: “У нас проповедаются дарвинистские взгляды на жизнь человека. Нельзя возводить в норму социальное неравенство, спокойно смотреть на гибель и страдания людей как на естественный закон выживания сильнейших и отмирания слабейших”. На что мать сказала: “Тебе нужна ещё одна революция? Читай “Бесы”, и ты увидишь, какие мерзавцы, истинные бесы, делают революцию”. На это Андрей уже не робко, а совсем по-взрослому заметил: “Ваш новый режиссёр хочет, видно, выслужиться перед властью, потому и решил ставить “Бесов”, мечтает получить индульгенцию на все случаи жизни, но за это надо ещё раз пнуть революцию, что-нибудь охаять из прошлого, больше всего, видно, боится прослыть патриотом”.

Андрей мечтал поступить на философский факультет МГУ, он был чистый гуманитарий, но не из тех, кого мы называем гуманитариями, когда не даётся математика и физика. У него и по этим предметам были пятёрки, но его склад ума явно тяготел к анализу и глубинному пониманию процессов разви-

тия общества. Его не устраивал готовый результат, который остаётся только выучить, а он активно погружался в текст. Процесс постижения, проникновения, исследования был для него важнее, чем просто получить хорошую отметку за выученный материал. Но на Олимпиаде он никакого места не занял, и, познакомившись и разговорившись с ребятами, которые заняли какие-то места, понял, что школьных знаний и полученных на курсах мало, чтобы поступить в университет. Нужно заниматься только с преподавателями университета, но они берут большие деньги. Где их взять?

Незадолго до того к деду приезжала сестра из Углича посоветоваться, что делать: с её внуком случилась беда, его арестовали. Она позвонила поздно вечером и что-то путано говорила по телефону, и дед предложил ей приехать, искать правду в Москве. А случилось вот что. Её внук вместе с двумя приятелями стащили ящик, который лежал около продовольственной палатки. Рабочие разгрузили товар и скрылись в палатке, а шофёр тоже на минуту отошёл от ящиков. В это время ребята умыкнули один, решив “разговеться” колбасой или ещё какими-нибудь деликатесами, а возможно, и водкой. Но в ящике оказались коробки дорогих конфет, и, наевшись вдоволь, они решили подарить оставшееся учителям. Благо было близко 8 Марта. Кто-то увидел их и сообщил в милицию. Их задержали, они сознались в содеянном, и милиция стала искать “вещдоки” в школе. Оказалось, что эти конфеты учителя подарили врачам соседней поликлиники. Но и там сыщикам не удалось обнаружить следы преступления, потому как врачи направили сыщиков в соседний детский сад, где воспитатели и няни отмечали праздник чаем и этими конфетами. А те передаривать уже никому ничего не собирались, так как давно усвоили, что поесть за детей сладкое надо сразу же, потому что детям сладкое вредно, может развиться кариес.

Всё это вызвало бы только улыбку, так как события развивались по известному анекдоту, если бы не касалось судьбы близких людей и им бы не грозил срок. И это в то время, когда кругом, куда ни повернись, крик стоит: “Воруют!”. Об этом не стесняясь говорят все, от соседа до Президента. Но никого до сих пор не поймали за руку, вернее, поймали, но... отпустили. Так, например, за присвоение миллионов долларов дали условный срок бывшему атомному министру Адамову, а вот мальчишкам за украденные коробки грозит тюремный срок, да и не малый, так как их действия рассматриваются как групповое хищение. А между тем нам внушают, что все равны перед законом и должны отвечать за совершённое преступление по всей строгости закона, не взирая на должность и положение.

Тётка с грустью рассказывала, что друзья внука, с которыми он всё время общался, не доведут его до добра. Стал выпивать, как бы наркотой не увлёкся, ведь почти вся молодёжь в городе или пьёт, или колется, но решила, что “чикиться” (на местном диалекте – отталкивать) внука нельзя, думала, что сам во всём разберётся. Потом добавила, что у них на левом берегу целая улица вымерла. Отравились алкоголем, который купили с рук. А тех, кто продавал, так и не нашли. Пьют мужики по-чёрному, а теперь и дети тоже. Работы нет, денег тоже, продукты стоят очень дорого, а водка дешёвая, вот и пьют до смерти от безделья и тоски.

Дед зашёл ко мне занять пять тысяч рублей, сказал, что сестре намекнули: если она хочет, чтобы дело внука закрыли, надо дать деньги. Дед, конечно, сомневался, что деньги помогут, но отказать ей не мог.

“Разворовывают всё – от земли в заповедниках до чистого воздуха в городах, и всё сходит с рук, а тут ящик с конфетами простить не хотят”, – сказал он с горечью.

Вот такую картину маслом, как сказал бы артист Машков, нарисовала наша жизнь сегодня.

В такой атмосфере рос мальчик, которому было не безразлично всё, что делалось в стране и возмущало деда. И всё-таки, несмотря на столь противоречивую и трагичную информацию о нашей жизни сегодня, он и его двое друзей из класса, которые постоянно бывали у них в доме, доказывали деду, что перестройка была необходима, что свобода, которую обрела страна, даст свои плоды в ближайшем будущем. Только надо изменить строй.

Дед не был коммунистом, в 1991 году в августе провёл ночь у Белого Дома, поверил Ельцину, а потом разочаровался, увидев то, что произошло.

“Ради чего, – вопрошал он, – страна не досчиталась четырнадцати миллионов своих граждан за эти семнадцать лет?”

Однажды дед пошёл прогуляться, плохо себя почувствовал и вернулся домой. Но беспокоить никого не хотел, тихо прошёл в свою комнату и прилёг на кровать. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, там собрались ребята, приятели внука. Они о чём-то спорили, и дед, не будучи любопытным, никогда не прислушивался к их разговорам, а тут всё услышал и был потрясён.

Оказывается, ребята организовали тайное общество, которое должно было бороться с существующим строем за справедливость.

“Смысл жизни, — говорили они, — не в том, чтобы есть и пить, а в том, чтобы люди имели равные возможности, и за это надо бороться, за это можно отдать жизнь”.

Дед ужаснулся, почувствовав свою огромную вину: слишком много критиковал власть, о плохом только и говорил. Нельзя этого было делать, ведь они ещё дети. Что делать? Могли бы участвовать в “Марше несогласных”, если хотя бы справедливости, даже примкнуть к “лимоновцам”, но не создавать же своё общество. Они размножились на принтере листовки, где призывали не мириться с существующими порядками — взяточничеством и мздоимством, бедностью и нищетой народа, воровством и казнокрадством власти.

И тут у деда случился сердечный приступ. Боли в сердце нарастали, и он больше не мог сдерживаться — застонал, завыл, закричал. Прибежали ребята, вызвали “скорую”. Дед лежал с закрытыми глазами, и чувствовалось, что ему очень плохо. Приехала “скорая”, сделала укол, боли чуть стихли, но уже следы вечности проступали на его лице. Сделали кардиограмму, инфаркт подтвердился, надо было везти в больницу, но врач сказал, что состояние тяжёлое, могут не довести.

Внук держал деда за руку и еле сдерживал слёзы. Это был самый близкий, самый дорогой для него человек на свете. Приближение беды, невозможной потери, щемящее чувство жалости переполняли парня. И тут вдруг дед открыл глаза и тихо, еле слышно произнёс: “Я во всём виноват. Поклянись мне — это моя просьба к тебе, что ты порвёшь с ними, что ты выберешь другую дорогу сопротивления, не пойдёшь против власти”. Это были его последние слова. Потом он захрипел и откинул голову назад.

Внук сдержал слово и выполнил предсмертную просьбу деда. Так распалось тайное общество, не успевшее открыто заявить о себе. Но на этом история не закончилась. Тот, кто не может спокойно взирать на беды своих сограждан, кто видит смысл жизни в помощи и сострадании к ближнему, не будет довольствоваться бутылкой пива, пить и веселиться, боясь упустить птицу счастья. А недавно я увидела его по ТВ рядом с Зюгановым. Он нёс транспарант, на котором было написано: “За справедливость и равенство”.

* * *

Известный московский учитель С. А. Айзерман предложил десятиклассникам выпуска 1993-го и 1995 годов ответить письменно на вопрос по рассказу Чехова “Крыжовник”: почему для Ивана Ивановича Чимши-Гималайского нет более тяжёлого зрелища, чем видеть счастливое семейство, сидящее вокруг стола и пьющее чай? Хотя должно было быть всё наоборот. И вот что ответили десятиклассники:

“Плохо не то, что есть счастливые люди, плохо то, что они не замечают несчастливых. Для них главное — чай, всё остальное — второстепенное”.

“Счастливая семья не будет думать о других, которым плохо, а будет думать о своём чае. Кругом невозможная бедность, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие. Люди должны возмущаться, а они сидят и пьют чай”.

“Для Ивана Ивановича нет более тяжёлого зрелища, потому что он видит “наглость и праздность сильных, невежество, скотоподобие слабых”, видит, что кругом “бедность невозможная”. И поэтому он не может спокойно смотреть на счастливых, беззаботных людей, которые не видят чужих страданий и боли”.

“Чехов не принимает счастливое семейство, пьющее чай, потому что оно равнодушно к чужой боли. Отрицание счастья, как высшего смысла человеческой жизни, было не само по себе, а потому что невозможно быть счастливым, когда страдает подавляющее большинство народа”.

Такие ответы были характерны для выпускников 1995 года.

“А что сегодня пишут десятиклассники, отвечая на Ваш вопрос по этому рассказу Чехова?” – спросила я у Айзермана. Сейчас он преподаёт в классах, которые ориентированы на медицинский институт. И здесь лейтмотив сочинений был таков:

“Надо поступать так, как выгодно тебе...”

“На чужую боль не надо реагировать...”

Десять–пятнадцать лет назад мы не слышали ничего подобного! Так ответили девять человек из двадцати пяти тех, кто собирался стать врачом. Но может быть, это потому, что сейчас говорить можно всё, и сочинения стали менее формальными и более искренними?

И всё-таки пусть их было мало, единицы, но были и такие ответы:

“Мне стыдно так жить в стране, где старость – это бедность, несчастье, где миллионы беспризорников, хотя у нас не послевоенные годы, где беременную женщину могут выселить с детьми из квартиры зимой на улицу, где людям не хватает денег даже на самые необходимые продукты”.

Так рассказ Чехова, вопреки утверждениям псевдолибералов, что классика для современного человека не интересна, не только не устарел, он становится всё более поучительным и современным.